

---

# **О ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОВООБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ И ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ**

---

**Swetlana MENGEL**

**Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Seminar für Slavistik, Deutschland  
E-mail: swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de**

**On the gender problem in Russian: new formations  
in recent years and diachronic aspect**

## **Abstract**

The article analyzes the activation of the word-formation process and the use of feminines in the modern Russian language in recent years and attempts to look at this process from the point of view of the historical development of the system and norms of the Russian language.

**Keywords:** names of women, genus, sexus, gender.

## **Резюме**

В статье анализируется активизация процесса образования и употребления феминитивов в современном русском языке последних лет и делается попытка рассмотреть этот процесс с точки зрения исторического развития системы и норм русского языка.

**Ключевые слова:** обозначения лиц женского пола, грамматический род, пол, гендер.

## **1 «Видимость» женщин в языке. Новообразования последних лет**

**1.1** В русском языке последних лет наблюдается активный процесс создания так называемых феминитивов, при образовании которых наряду с другими суффиксами наибольшей продуктивностью отличается суффикс *-к-*, ср.:

- [1] (а) Мария Бикбулатова, выпускающая *редакторка* журнала Ф-письмо, *философиня*, *переводчица*<sup>1</sup> (<https://syg.ma/@mariia-bikbulatova/f-pismo-otkazyvaietsia-ot-priemii-bielogho>);

(б) Галина Рымбу <...> – *поэтесса*, литературная *критикесса*, *кураторка*, <...> и *соучредительница* поэтической Премии Аркадия Драгомощенко для молодых русскоязычных *поэтов* <...>, одна из *организаторок* семинаров, посвященных феминистской литературе и теории «Ф-письмо» <...> (<https://syg.ma/@galina-1>);

(в) <...> внимание к фигуре Дианы Арбениной, <...> репрезентующей себя не просто как *музыкантку*, *певицу*, *фронтменку* группы «Ночные снайперы», но как *человека пишущего*; <...> внимание одной из *лидерок* молодого поэтического поколения и фемдвижения новой волны Оксаны Васякиной <...> ([https://litteratura.org/issue\\_criticizm/4346-yuliya-podlubnova-v-rezervuare-zhizni.html](https://litteratura.org/issue_criticizm/4346-yuliya-podlubnova-v-rezervuare-zhizni.html));

(г) Неясно, с кем Вы в данном случае разговариваете, с *участницами* проекта «Ф-письмо» или с воображаемыми *врагинями*? (<https://syg.ma/@galina-1/riedaktorki-f-pisma-otviechaiut-na-pismo-dmitriia-kuzmina-ch-tochka-1>);

(д) Мне важно использовать феминитивы, потому что феминитивы делают женщин видимыми на уровне языка. Я называю себя *поэтессой*, мне нравится и слово «*поэтка*», но у «*поэтки*» в некотором смысле чистая политическая история и коннотации, а слово «*поэтесса*» часто используется с пренебрежительным оттенком. Так, часто приводят в пример высказывание Ахматовой о том, что она не *поэтесса*, а *поэт*. Именно для того, чтобы стереть эту дихотомию *благородного поэта* и *истеричной поэтессы*, я на полном серьезе использую это слово (Оксана Васякина). Я одинаково хорошо отношусь к словам «*поэтесса*» или «*поэт*» и плохо – к «*поэтка*». Мне не нравится создание искусственных феминитивов, потому что здесь работает некое магическое мышление, не делающее различий <...> между грамматической категорией рода и биологической категорией пола (Евгения Риц) (<https://godliteratury.ru/articles/2019/03/13/opros-poyetessa-ili-poyet>).

То есть, речь идет об образовании существительных женского рода с модификационным словообразовательным значением «женскости» (ср. Русская грамматика, 1980, I: 200-204), производимых от уже имеющих в языке *nomina agentis* мужского рода. Активизация данного модификационного словообразовательного процесса характерна в последние два десятилетия и для других европейских языков, в том числе славянских (ср. Беркутова, 2019; Григоренко, 2008; Гурьянова, 2019; Кобяков, 2020; Кривошеина 2019; Новицка, 2006; Пристайко, 2017; Самойленко & Стекленева, 2019; Błaszowska, 2016; Małocha-Krupa, 2018; Miemietz, 1993; Waszakowa, 2021; Zifonun & Drewnowska-Vargáné, 2019 и др.), и особенно ярко представлена в немецком (ср. Diewald & Nübling, 2020; Fischer, 2014; Hajnal, 2002; Pohl, 2016; Schröder, 2019 и др.). Экстралингвистической причиной скачкообразного увеличения продуктивности словообразовательных типов с модификационным словообразовательным значением «женскости» (нем. *Motion*) несомненно следует считать широкую инициативную и динамичную деятельность феминистского движения, в лоне которого сформировались теоретические постулаты и языковая практика феминистской лингвистики.

<sup>1</sup> Все феминитивы выделены курсивом, новообразования последних лет дополнительно выделены жирным шрифтом.

Согласно феминистской лингвистической теории, обязательное и последовательное образование феминитивов необходимо для того, чтобы сделать женщин «видимыми» в языке (ср.: [1(д)]). Такое «гендерно чувствительное» употребление языка должно способствовать устранению в нем «гендерного неравенства» (или «гендерного насилия»), проявляющегося, как полагается, в отсутствии соответствующих существительных женского рода как отражение и закрепление в языке дискриминации женщин в обществе. Иными словами, лингвистический факт наименования профессий, социально-политических функций, научных званий, а также *potina agentis* с различными значениями существительными мужского рода видится в неразрывной связи с фактом общественно-социальным – дискриминацией лиц женского пола, выполняющих эти профессии, функции и др. наряду с лицами мужского пола, но остающимися «невидимыми» в языке.

**1.2** Последовательное воплощение данного теоретического постулата в языковой практике требует далее принципиального отказа от употребления существительных мужского рода в генерализирующей функции во множественном числе и замены их двойными «гендерно нейтральными» обозначениями, т.е. параллельного употребления как форм существительных мужского рода, так и форм образованных от них феминитивов<sup>2</sup>, а также согласующихся с ними форм местоимений и других частей речи, например, артиклей в немецком или форм прошедшего времени единственного числа в славянских языках (см. ниже [3]), ср.:

- [2] (а) В идеальной ситуации нам, наверное, нужно было бы пригласить голосовать всех **авторок** и **авторов**<sup>3</sup> чьи тексты когда-либо были опубликованы на Ф-письме <...>. Действительно, «Ф-письмо» – это также корпус текстов, и их **авторки** и **авторы** доверили нам свои работы. <...>. Согласно нашему редакционному уставу сложные решения, касающиеся журнала, принимаются путем расширенного голосования, где голоса выпускающих **редакторок** весят ровно столько же, сколько голоса **участниц** и **участников** редакционного совета. (<https://syg.ma/@galina-1/riedaktorki-f-pisma-otviechaiut-na-pismo-dmitriia-kuzmina-ch-tochka-1>);

- (б) Чтобы обеспечить комфортные и здоровые социальные условия для **поэтесс** и **поэтов** вне зависимости от их возраста, гендера, статуса, т. н[аз]. «таланта» <...>. И выросший из питерской платформы одноименный онлайн-журнал на Syg.ma,

<sup>2</sup> Следует, впрочем, заметить, что здесь, как кажется, может делаться исключение для существительных с пейоративным лексическим значением. Так, например, лидер немецкого феминистского движения Алис Шварцер, цитируя речь Хиллари Клинтон на женском саммите в Пекине в 1995 году, говорит о «*die religiösen Fundamentalisten*» и «*Islamisten*» (Emma, 3/2015: 25), употребляя формы множественного числа только мужского рода; а одна из основательниц проекта «Ф-письмо» Мария Бигбулатова в обосновании отказа от премии Андрея Белого пишет: «*То есть Вы хотите, чтобы фашист, сексист и феминистка сели за один стол* <...>» (<https://syg.ma/@mariia-bikbulatova/f-pismo-otkazyvaietsia-ot-priemii-bielogho>), используя генерализирующие формы единственного числа мужского рода для существительных с пейоративным лексическим значением и только форму единственного числа женского рода для обозначения сторонников феминизма, отказывая, таким образом, и тем и другим в «гендерном равноправии»; если только, конечно, и Шварцер, и Бигбулатова не ставят себе целью обозначить здесь конкретно лиц только мужского или только женского пола.

<sup>3</sup> Интересующие нас словоформы выделены здесь и примерах далее жирным шрифтом и курсивом.

публикующий множество **авторок** и **авторов** из разных стран, поэтических культур, придерживающихся разных феминизмов и взглядов на литературу <...>. [В]ышло большое количество замечательных книг, которые были высоко оценены многими **критиками** и **критикессами**, а также другими экспертными сообществами. (<https://syg.ma/@mariia-bikbulatova/f-pismo-otkazyvaietsia-ot-priemii-bielogho>).

Такая языковая практика ведет, однако, к нежелательному явлению возникновения многословных наименований, что противоречит лингвистическому закону экономии языковых средств. Попыткой противостоять этому стало употребление в письменной речи сокращенных (или стяженных) обозначений с использованием различных вспомогательных графических знаков, что, в свою очередь, нередко приводит к затруднению понимания информации, а следовательно к нарушению коммуникативной функции языка, ср.:

- [3] (а) Мы все за свою жизнь бываем **автор(к)ами** как минимум эмоционального насилия; <...> А уж когда такое произносится чуть ли не от имени «Ф-Письма», хочется спросить: **кто** вас **уполномочил\_а** говорить за всех? (<https://syg.ma/@galina-1/riedaktorki-f-pisma-otviechaiut-na-pismo-dmitriia-kuzmina-ch-tochka-1>);

(б) Теперь мы публикуем комментарии и ответы наших **редактор\_ок** на письмо Дмитрия. <...> [В]ответ на претензии просто вычеркнула пару **авторо\_в** из шорт-листа (<https://syg.ma/@galina-1/riedaktorki-f-pisma-otviechaiut-na-pismo-dmitriia-kuzmina-ch-tochka-1>); <...> в виде газеты с поэтическими текстами множества **автор\_ок**; <...> у любого коллектива **организатор\_ок** / **редактор\_ок** есть имена; <...> Беньямин говорит о том, что такое представление **о пишущем/ей**, или – шире – **создающем/ей** что-то новое <...> предполагает эссенциалистское превосходство одних людей над другими. Следовательно, отношение к **пишущему/ей, художнику/це** как к гению должно быть преодолено. В наше время к испытаниям, выпадающим на долю **пишущего/ей**, добавляется еще и работа по организации литературного поля и сообщества, что не облегчает **его/ее** задач <...>. Действительно, то, что **он/а, о написал/а,о**, выходит далеко за рамки **его/ее** субъективности. (<https://syg.ma/@mariia-bikbulatova/f-pismo-otkazyvaietsia-ot-priemii-bielogho>).

Из приведенных выше таких сокращенных написаний корректными в плане передачи грамматической структуры многословного «гендерного» наименования, и поэтому информативно понятными, можно считать лишь сокращения, где с помощью скобок указывается на наличие феминитива с суффиксом -к- при идентичности окончаний существительных мужского и женского рода во множественном числе, ср.: **автор(к)ами**, или сокращения для «гендерно» согласующихся с такими двойными наименованиями форм других частей, где с помощью подчеркивания указывается, например, на параллельность нулевого окончания мужского и окончания -а женского рода в единственном числе прошедшего времени глагола, ср.: **уполномочил\_а** (см. [3(а)]). Сокращенные обозначения типа **редактор\_ок**, **организатор\_ок**, **автор\_ок** или **авторо\_в** (см. [3(б)]) не только необъяснимы с точки зрения грамматической структуры двойного наименования; более того, знак гендерного разрыва, вклиниваемый внутрь основы (им. п., мн. ч., ж. р. **авторки**, окончание -и: род. п., мн. ч., ж. р. **авторокø**, нулевое окончание) или окончания (им. п., мн. ч., м. р. **авторы**, окончание -и: род. п., мн. ч., м. р. **авторов**, окончание -ов), практически вычеркивает одного из членов «гендерной» пары, затрудняя в целом понимание. Последнее, как и первое, относится и к сокращенным «гендерным» написаниям типа

художнику/це (см. [3(б)]), в котором следующая после слеша прицепка *це* никак не отражает «феминитив» с его самостоятельным суффиксом и окончанием (им. п., ед. ч., ж. р. худож-**ниц-а**, суффикс *-ниц-*, окончание *-а* : д. п., ед. ч., ж. р. худож-**ниц-е**, суффикс *-ниц-*, окончание *-е*; ср.: им. п., ед. ч., м. р. худож-**ник-ø**, суффикс *-ник-*, нулевое окончание: д. п., ед. ч., м. р. худож-**ник-у**, суффикс *-ник-*, окончание *-у*). Не всегда удачными в этом плане представляются также попытки передачи с помощью слеша и/или запятой вариантов окончаний слов, связанных с членами гендерной пары (или тройки?) согласованием, типа *о пишущем/ей, к пишущему/ей, пишущего/ей, он/а,о написал/а,о* и др. (см. [3(б)]).

**1.3** Напомним еще раз, что феминистская лингвистика, осознающая себя как часть общественно-политического движения эмансипации женщин, возникла и сформировалась в 70-е годы прошлого века в США (Lakoff, 1973; Richi Key, 1975; Henley & Thorne, 1975) и является по самоопределению не только и не столько дескриптивной, но в первую очередь интервенирующей наукой с характерным для нее активным практическим подходом к языку – а именно, его современному состоянию и употреблению – с общественно-политических критических позиций с применением социологических и политических критериев.

Никоим образом не умаляя политических достижений феминистского движения в преобразовании общества, с которыми автор предлагаемой статьи полностью солидарен, и воздержавшись от оценки необходимости последовательного употребления гендерных наименований в плане политкорректности, обратимся к лингвистической стороне рассматриваемой проблематики. При этом сконцентрируем наше внимание на двух вопросах:

1) Предназначена ли грамматическая категория рода для обозначения в языке лиц женского и мужского пола, а также различных гендеров, как это предусматривают постулаты феминистской лингвистики<sup>4</sup>?

2) Как «видимость» женщин в русском языке представлена в диахронном аспекте, т.е. в процессе развития языковой системы и норм русского языка, в частности, на уровне словообразования?

## **2 Род имен существительных как лексико-грамматическая классифицирующая категория**

**2.1** Остановимся сначала на определении понятий «род» (лат. *genus*), «гендер» (англ. *gender* от лат. *genus*) и «пол» (лат. *sexus*) в их соотношении.

Мы имеем дело с категориями трех уровней:

(1) «пол» – *естественная биологическая категория*, представляющая собой прототипическую бинарную классификацию всех живых организмов – в том числе и человеческих особей – как представителей мужского или женского пола (включая гермафродитизм как видовую норму);

<sup>4</sup> Помимо отказа от генерализирующей функции существительных мужского рода, обозначающих профессии, общественно-политические функции, научные звания и др., как было показано выше, это проявляется также в практике не вполне корректного образования феминитивов исключительно за счет присоединения к существительным мужского рода окончаний женского рода, ср., например: польск. *ministra, magistra, profesora, doktora*.

(2) «гендер» – *социальная категория*, определяющая сконструированные роли, модели поведения, действия и атрибуты, которые данное общество считает подходящими для мужчин и женщин<sup>5</sup>;

(3) «род» – *языковая грамматическая категория* низшего порядка, члены которой – мужской род (лат. *maskulinum*), женский род (лат. *femininum*) и средний род (лат. *neutrum*) – составляют трехчленную эквиполентную оппозицию у имен прилагательных, местоимений и глагола прошедшего времени в славянских языках, в то время как род имен существительных (обозначающих как живые организмы, так и неживые предметы и явления действительности) является неизменяемой лексико-грамматической классифицирующей категорией.

Уже на первый взгляд становится очевидным различие наполнение трех рассматриваемых разноуровневых категорий: классифицирующей прототипической бинарной естественной категории «пола» и социальной псевдобинарной категории «гендера» с принципиально открытым рядом ее членов (см. сноску 5) противопоставлена классифицирующая небинарная – с закрытым рядом членов – языковая лексико-грамматическая категория «рода» имен существительных. В то время как классифицирующие критерии двух первых категорий распространяются на живые организмы, в том числе или исключительно на человеческих особей, последняя охватывает классификацию обозначений как живых, так и неживых предметов, а также абстрактных понятий. Такое положение вещей позволяет предварительно сделать логический вывод, что последняя категория, т.е. лексико-грамматическая категория «рода» имен существительных, не могла возникнуть и не может быть эксклюзивно предназначена для отражения в языке двух первых категорий действительности – естественной категории «пола» и социальной категории «гендера».

## 2.2 Подкрепим сделанный вывод более детальным анализом фактов.

Как установлено когнитивной лингвистикой, грамматические категории способны отражать в языке ментальную категоризацию действительности с опорой на естественные категории. Так основные естественные категории – категория предметов и их постоянных и изменяемых признаков – передаются в языке соответственно тремя основными частями речи: именем существительным, именем прилагательным и глаголом (Кубрякова, 2004). Базируясь на общечеловеческой ментальности, эти морфологические категории высшего порядка (Исаченко, 1954: 32) являются универсальными и представлены во всех языках мира. Наполняющие их морфологические категории низшего порядка (Исаченко, 1954: 39) – не универсальны. К ним относятся, например, вид глагола в славянских языках, категория одушевленности/неодушевленности имен в русском языке и др.

<sup>5</sup> Хотя в Стамбульской конвенции (2014, ст. 3с) дается именно такое определение гендера, необходимо отметить, что эта социальная категория отнюдь не бинарна и включает целый спектр небинарных гендеров (гендерквир). Под этим углом зрения борьба феминистской лингвистики за «гендерное равноправие» в языке путем достижения в нем «видимости» женщин представляется по меньшей мере проблематичной, т.к. «невидимыми» остаются трансгендерные и др. люди: отведение им всем грамматического среднего рода, ср.: *то, что он/а,о написал/а,о* (см. [3(б)]), вряд ли можно считать адекватным и свободным от «дискриминации».

К неуниверсальным грамматическим категориям низшего порядка принадлежит и категория рода. Она характерна для индоевропейских языков как лексико-грамматическая категория имени существительного и согласующаяся с родом существительных грамматическая категория имени прилагательного, выражаемая в славянских языках также формами прошедшего времени глагола (см. выше); на синтаксическом уровне на род существительных ориентированы кроме того формы указательно-личных местоимений. В финоугорских (финском, эстонском, венгерском и др.) и тюркских (турецком, чеченском и др.) языках, как и в ряде других языковых семей, категория рода отсутствует. Она не выражена у имен существительных, которые, так же, как в индоевропейских языках, называют предметы, в том числе и живые организмы – особей мужского и женского пола и различных гендеров; для указания на них на синтаксическом уровне в языке представлена лишь одна общая указательно-личная местоименная форма.

Неуниверсальные грамматические категории низшего порядка подвержены развитию: они могут возникать в процессе языкового генезиса, как например, категория одушевленности/неодушевленности в русском языке, или утрачиваться, как например, член оппозиции «двойственное число» в категории числа в большинстве языков или разветвленная система прошедших времен в западно- и восточнославянских языках, а также ряде других индоевропейских. Процесс развития можно наблюдать и у категории рода. В современных индоевропейских языках категория рода постепенно утрачивается: в английском языке она полностью исчезла у имени существительного и прилагательного и частично сохраняется лишь у местоимений; в северногерманских (шведском, датском, норвежском), частично других западногерманских (например, нидерландском) и романских (итальянском, французском и др.) языках ее оппозиция сократилась до двух членов – в современном шведском языке (как в датском и норвежском, а также в определенной степени в нидерландском, где наблюдается синкретизм артикля для выражения мужского и женского рода) различаются два рода *utrum*, объединяющий наименования как мужчин, так и женщин, и *neutrum*; а в романских языках полностью утрачен средний род.

Думается, что уже этот беглый обзор общелингвистических реалий и процессов, как и конкретных языковых фактов, позволяет убедительно закрепить наш вывод о том, что неуниверсальная лексико-грамматическая категория рода не может быть эксклюзивно предназначена для отражения в языке естественной биологической бинарной категории пола. В языках, имеющих грамматическую категорию рода, она изначально не бинарна и может включать третий (средний) и четвертый (общий) род, которые присущи в том числе и наименованиям, обозначающим лиц обоих полов (см. ниже), так же, как мужской, женский и другие члены родовой оппозиции свойственны наименованиям неживых предметов и явлений действительности, не имеющих пола. С другой стороны, языки, в которых грамматическая категория рода утрачивается или изначально отсутствует, вполне способны отражать универсальный биологический феномен и называть представителей как женского, так и мужского пола. Еще меньше неуниверсальная грамматическая категория рода предназначена для отражения в языке социальной псевдобинарной (см. выше) категории гендера. Если принять постулат феминистской лингвистики, что категория рода якобы кодирует в языке наименования социальных ролей, предназначенных в обществе для мужчин и женщин, то языки, не имеющие категории рода, следовало бы признать свидетельствующими о гендерном благополучии и полном равноправии

мужчин и женщин в социумах или странах этих языковых сообществ, с чем вряд ли можно согласиться<sup>6</sup>.

**2.3** Обратимся теперь к возможным лингвистическим причинам возникновения классифицирующей лексико-грамматической категории рода, в частности, в индоевропейских языках.

Уже А. Мейе высказал в свое время предположение, что категория рода не была изначально характерна для праиндоевропейского языка (Meillet, 1921-1938; 1931; ср. Najnal, 2002: 19-37). Более подробное изучение анатолийской ветви индоевропейской семьи и особенно хеттского языка подтвердило в последствии эту догадку ученого (см. подробнее Najnal, 2002: 37-45).

Опираясь на мысль Мейе (не имея возможности в ограниченных рамках статьи осветить ее более подробно), можно сделать, весьма убедительный, на наш взгляд, вывод, что лингвистическая категория рода возникла и развивалась в праиндоевропейском языке как классифицирующая лексико-грамматическая категория с целью замены системы именного склонения, объединявшей имена в многочисленные типы и подтипы склонения по тематическому гласному основы с не менее многочисленными вариантами окончаний для каждого из семи падежей в единственном, двойственном и множественном числе, на систему склонения, объединяющую имена в немногие типы склонения по родам.

Этот процесс перестройки системы именного склонения по родовому признаку представлен, как известно, еще в праславянском языке и его письменной фиксации – старославянском, и наиболее последовательно из всех славянских языков приведен к завершению в русском языке. Если в старославянском именном склонении представлено 13 типов и подтипов старого склонения, объединяющих имена по тематическому гласному основы: склонение на *\*-ā* (с подтипом на *\*-jā*), склонение на *\*-ǫ* (с подтипом на *\*-jǫ*), склонение на *\*-ī*, склонение на *\*-ŭ*, склонение с основой на согласный (с 6-ю подтипами) и склонение на *\*-ū*; то в современном русском языке мы имеем лишь три регулярных типа склонения: 1-е склонение, объединяющее существительные мужского рода с нулевым окончанием и среднего рода с окончанием *-о/-е* в им. п., ед. ч. (восходящие к основам на *\*-ǫ/-jǫ*, *\*-ī*, *\*-ī* и на согласный), 2-е склонение, включающее существительные женского рода с окончанием *-а* в им. п., ед. ч., а также существительные мужского рода с этим окончанием, обозначающие лиц и живых существ мужского пола (и те и другие восходят к основам на *\*-ā/-jā*), и 3-е склонение, объединяющее существительные женского рода с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в им. п., ед. ч. (восходящие к основам на *\*-ī* и *\*-ū*); при этом в диалектах русского языка наблюдается дальнейшая тенденция к объединению всех существительных женского рода в одно общее склонение (см. Пожарицкая, 1997).

Данный ход языкового развития следует лингвистическому закону экономии языковых средств. Его подтверждает, как нам представляется, и современное

<sup>6</sup> К таким странам нужно было бы в таком случае отнести, например, Турцию, которая, напротив, стала единственной страной, покинувшей 1 июля 2021 года Стамбульскую конвенцию – международное соглашение «о борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием и о предотвращении этого насилия», подписанную 46-ю странами и ратифицированную в 2014 году –, т.е. страну, намеренно отказавшуюся от защиты прав женщин, отнюдь не по причинам их полного социального равноправия с мужчинами.



состояние индоевропейских языков в их генезисе. С утратой категории склонения, как например, в английском, северногерманских и романских языках, в них наблюдается, как было показано выше, и утрата грамматической категории рода, которая, лишившись своей классифицирующей функции, становится избыточной. В языках, сохраняющих склонение, например, в немецком и славянских языках, и грамматическая категория рода сохраняется.

Сделанные наблюдения еще раз подкрепляют сформулированный выше вывод, что возникновение лексико-грамматической классифицирующей категории рода имен существительных, как и ее дальнейшее развитие, не было вызвано необходимостью отразить в языке лиц или персон женского и мужского пола или различных гендеров.

Перейдем теперь ко второму вопросу и попытаемся *per exemplum* проследить, как естественная категория пола могла отражаться в истории русского языка и есть ли с лингвистической точки зрения неприложная необходимость в отказе от генерализирующей функции существительных мужского рода и последовательном образовании феминитивов с целью устранения «гендерного неравенства» и обеспечения «видимости» женщин в его современном состоянии.

### 3 «Видимость» женщин в русском языке. Диахронный аспект

**3.1** Как отмечалось выше, все языки мира вне зависимости от наличия или отсутствия в них грамматической категории рода способны отражать биологическую категорию пола, используя для этого, например, лексические средства, о чем свидетельствуют уже самые древние пласты лексики, в частности, наименования степеней родства ср.: русск. *мать*, *отец*, *сын*, *дочь*, *брат*, *сестра*<sup>7</sup>. Как видим, в современном русском языке эти слова не обладают специфическими родовыми окончаниями: пять первых выражают категорию грамматического рода – женского или мужского – одним и тем же нулевым окончанием, а окончание *-а* в слове *сестра* не является специфически «женским» в словах, обозначающих лиц различной половой принадлежности (см. выше, ср.: *папа*, *дядя* и др.). В праславянском языке данные разнокоренные наименования различались принадлежностью к различным типам склонения: *мать* (ж.п.), *дочь* (ж.п.), *брат* (м.п.) – к склонению с основой на согласный; *отец* (м.п.) – к твердому подтипу склонения на *\*-ǫ/jǫ*; *сын* (м.п.) – к склонению на *\*-ŭ*; *сестра* (ж.п.) – к твердому подтипу склонения на *\*-ā/jā*.

Уже в раннепраславянский период для обозначения лиц мужского и женского пола могли использоваться и однокоренные наименования, для которых принадлежность к разным типам склонения служила единственным различительным признаком. Их мы также находим среди обозначения степеней родства, ср.:

- [4] русск. *свекр* (м.п.) – основа на *\*-ŭ* (*\*svekr-ŭ-s > svekrŭ > svekrъ*): *свекровь* (ж.п.) – основа на *\*-ŭ* (*\*svekr-ŭ-s > им.п. svekr-ŭ > svekry*, вин.п. *\*svekr-ŭ-ŭm > svekr-ŭv-ŭm > svekrŭvъ*, вин.п.=им.п.); *тесть* (м.п.) – основа на *\*-ĭ* (*\*test-ĭ-s > test-ĭ > testъ*): *теща* (ж.п.) – основа на *\*-jā* (*\*test-jā-s > test-jā > tešt'a*).

Этот способ образования лиц мужского и женского пола от одной и той же производящей основы сложился, по всей очевидности, еще до оформления грамма-

<sup>7</sup> Ср. также наименования домашних животных: *корова*, *бык* и др.

тической категории рода – как склонение с основой на \*-ī, так и на \*-ā/jā, к которым относились *тесть* : *теща* (см. [4]), включило в последствии существительные как мужского, так и женского рода – и был весьма продуктивен<sup>8</sup>.

Итак, уже на самых ранних этапах развития русского языка (следы которого представлены в языке современности) наблюдается активный процесс *параллельного* образования от одной общей производящей основы однокорневых наименований для обозначения мужчин и женщин, т.е. наименования последних отнюдь не являются феминитивами.

О «гендерном равенстве» свидетельствуют также наименования, служащие в равной степени как для обозначения мужчин, так и женщин. Они отражают еще более ранний период языкового развития (категорию «лицо/ нелицо», ср. Kemrpen, 1999) и причисляются в современном русском языке к общему роду (см. выше), ср.: *он* – *круглый сирота*, *она* – *круглая сирота* (в праславянском языке они входили в склонение на \*-ā/jā, включавшее обозначения лиц как мужского, так и женского пола, см. выше). Эта лексико-семантическая группа, содержащая такие древние образования, как *рѣва* (*reveti* → \**rev-ā-s*), *плакса* (*plakati* → \**plak-s-ā-s*) и др., продолжает пополняться и в современном русском языке производными от исконных, ср.: *грязнуля* и др., и заимствованных, ср.: *капризуля*, *воображуля* и др., основ и способна интегрировать и адаптировать заимствования. Вне всякого сомнения к таковым следует отнести слово *коллега*, ср.: *у нас появилась новая коллега*, *у нас появился новый коллега*.<sup>9</sup> К древнейшим наименованиям этой лексико-семантической группы относится и слово *судья* (*suditi* → \**sudi-ā-s* > *sudj-ā-s* > *sudja*, ср. выше: *рѣва* – \**rev-ā-s*), ср.: *в зал вошел судья – все встали*; *в зал вошла судья – все встали*, обозначавшее лиц мужского и женского пола по характерному действию и переосмысленное позднее как обозначение профессии (см. ниже).

Наименования, служащие для обозначения как мужчин, так и женщин в праславянском языке включало также склонение на \*-ī (см. выше). К древнейшим из них следует отнести слово *врач*, образованное от глагола *враѣти* в значении 'ворчать, заговаривать' с помощью суффикса *-k-*: *vрати* → \**vra-k-ī-s* > *vrač-ī-s* > *vra-č-ī* > *vračь*, фиксируемое памятниками старославянского языка начиная с X-XI века (ср. также: болг. *врач* 'колдун', сербск. *врач* 'прорицатель', словен. *vráč* 'лекарь, врач', см. Vasmer, 1953: I, 234-235; Фасмер, 1986: I, 361), ср. русск.: *новый врач отменил прием*, *новая врач отменила прием*. В истории русского языка его постигла та же судьба, что и наименование *судья* (см. выше) – оно было переосмыслено из обозначения лица мужского или женского пола по характерному действию как обозначение профессии, ср.: *детский врач (И.И. Иванов) отменил прием*, *детский врач (И.И. Иванова) отменила прием* (см. ниже).

<sup>8</sup> Ср. Также: русск. *раб* (м.п.) 'работник' – основа на \*-ō (*orb-ō-s* > *orb-ō* > *orb-ъ* > *rabъ*) : *раба* (ж.п.) 'работница' – основа на \*-ā (*orb-ā-s* > *orb-ā* > *orb-a* > *raba*) и др.

<sup>9</sup> Заметим, что в отличие от русского в польском языке заимствование *kolega* обозначает лиц мужского пола, а для обозначения лиц женского пола создан феминитив *koleżanka* (см. Słownik, 2001: 84, 380). Его употребление в русском языке, ср.: *наши ближайшие подруги и коллежанки обращаются к нам с просьбой восстановить справедливость* (<https://syg.ma/@galina-1/riedaktorki-f-pismo-otviechaiut-na-pismo-dmitriia-kuzmina-ch-tochka-1>), представляется, однако, с точки зрения нормы русского литературного языка излишним.

3.2 Итак, уже в раннепраславянский период для параллельного образования однокорневых наименований лиц мужского и женского пола могли служить различные типы склонения и использоваться первичные индоевропейские суффиксы \*-v, \*-j, \*-k, \*-t и др. (ср. выше: *пакса, врач*) (см. подробнее в Mengel, 2014: 108 и след.; 2015; 2019). В результате действия фонетических законов – прежде всего закона открытого слога и тенденции к палатализации согласных – в классический период развития праславянского языка происходит перестройка слоговой структуры слова и формируются многочисленные новые суффиксы, обладающие бóльшим формальным и семантическим объемом, что ведет к развитию маркантной особенности славянских языков – разветвленной системе деривации с наличием многочисленных (отчасти многозначных) суффиксов, способных передавать различные значения и их оттенки (Mengel, 2014; 2015; 2019).

Эти суффиксы открывают новую возможность для образования наименований лиц мужского и женского пола от одной и той же производящей основы, обеспечивая «равноправную» «видимость» женщин и мужчин на уровне словообразования.

Очевидно, к одним из самых ранних таких образований следует отнести наименования лиц по принадлежности к определенной сообщности людей (народу, территории и др.), обозначаемой в языке наименованиями, создаваемыми с помощью суффикса *-ан-е*, когда еще достаточно индифферентные по значению суффиксы *-ин-* (как известно, с общим значением единичности, ср.: *один*) и индоевропейский *-к*<sup>10</sup> начинают использоваться для выделения из сообщества и наименования отдельных особей, соответственно лиц мужского и женского пола, ср.:

- [5] русск. (*Египет* →) (библейское, ветхозаветное) *египтяне* ‚(все) жители Египта‘ → *египтян-ин* (м.п.), *египтян-к-а* (ж.п.); (*город* →) *горожане* ‚(все) жители города‘ → *горожан-ин*, *горожан-к-а*; *граждане* ‚люди, принадлежащие к одному государству‘ → *граждан-ин*, *граждан-к-а*.

Эта бинарная модель наименования лиц мужского и женского пола по их общей принадлежности однокорневыми существительными, образованными от общей производящей основы, остается чрезвычайно продуктивной в русском языке и по сей день:

- [6] для обозначения лиц по национальности, ср.: *англичане* → *англичанин*, *англичанка*, *молдоване* → *молдованин*, *молдованка*, *цыгане* → *цыган*, *цыганка* и др.; территориальной принадлежности, ср.: *южане* → *южанин*, *южанка*, *северяне* → *северянин*, *северянка* и др., в том числе для наименования жителей конкретных городов, планет и т.п., ср.: (*Ростов*) *ростовчане* → *ростовчанин*, *ростовчанка*, (*Нарым*) *нарымчане* → *нарымчанин*, *нарымчанка*, (*Марс*) *марсиане* → *марсианин*, *марсианка* и др.; по принадлежности к определенным духовным и социальным (со)обществам, организациям, союзам и т. п., ср.: *христиане* → *христианин*, *христианка*, *мусульмане* → *мусульманин*, *мусульманка*, *мещане* → *мещанин*, *мещанка*, *дворяне* → *дворянин*, *дворянка* и др.

<sup>10</sup> Суффикс *-к-* продуктивен в славянских языках и по сей день (см. Русская грамматика, 1980: I, 200-201) и проявляет в последние годы особую активность при образовании феминитивов (см. в 1). При этом он, однако, по-прежнему остается индифферентным, ср.: *поэт* (лицо м.п.) → *поэт-к-а* (лицо ж.п.); *пилот* (лицо м.п.) → *пилот-к-а* (предмет); *табурет* (предмет) → *табурет-к-а* (предмет); *конфета* (предмет) → *конфет-к-а* (маленький предмет).

При этом в современном русском языке для таких бинарных наименований могут использоваться и другие суффиксы, оформившиеся и специализированные в последствии, например, суффикс *-ец* со специализированным значением «лицо по принадлежности» (см. Mengel, 1997), ср.: *комсомол* → *комсомол-ец* (м.п.), *комсомол-к-а* (ж.п.), или суффикс *-ыня* с тем же значением (см. ниже), ср.: *баре* → *бар-ин* (м.п.), *бар-ыня* (ж.п.) и др.

Формирование новых суффиксов для обозначения лиц женского и мужского пола позволяет образовывать параллельные наименования, равным образом характеризующие как мужчин, так и женщин по определенным общим критериям, от основ всех (основных, см. 2) частей речи:

(1) прилагательного – «лицо, как носитель признака», ср.: русск. *стар(ый)* → *стар-ик* (м.п.), *стар-уха* (ж.п.), *молод(ой)* → *мóлoд-ец* (м.п.), *молoд-уха*, *молoд-ица* (ж.п.), *нем(ой)* → *нем-ец* (м.п.), *нем-к-а* (ж.п.) (возникшие как обозначения людей не говорящих по-славянски [поэтому «немых»] и ставшие впоследствии обозначениями по национальности) и др.;

(2) существительного – «лицо, характеризующее предметом», ср.: русск. *ист(ина)* → *ист-ец* (м.п.), *ист-ица* (ж.п.), *слово* → *слав-яне* → *славян-ин* (м.п.), *славян-к-а* (ж.п.) (см. выше) и др.;

(3) глагола – «лицо по характерному действию», ср.: (др.-)русс. *ведати* ,знать' → *вед-ьць*, *вед-унъ* (м.п.), *вед-ьма* (ж.п.), русск. *петь* → *пев-ец* (\**pě-v-ьсь*) (м.п.), *пев-ица* (\**pě-v-ica*) (ж.п.), *шить* → *швец* (\**šv-v-ьсь*) (м.п.), *швея* (\**šv-v-j-a*) (ж.п.), *кормил* → *кормил-ец* (м.п.), *кормил-ица* (ж.п.) и др.

Такие наименования, как и бинарная модель их образования от общей производящей основы, также широко распространены и остаются продуктивными в современном русском языке, ср.: *торговать* → *торгов-ец* (м.п.), *торгов-к-а* (ж.п.); *продавать* → *продав-ец*, *продав-щик* (м.п.), *продав-щица* (ж.п.); *купить* → *куп-ец* (м.п.), *куп-чиха* (ж.п.) и др.

В процессе формирования новых суффиксов среди тех, что обозначали «лицо по принадлежности», ср. выше: *куп-чиха* ,принадлежащая к купечеству, жена или дочь купца' (ср. Азарх, 1979), появляются форманты со специализированным значением «женскости». Присоединяясь к основам наименований лиц мужского пола, они образуют наименования лиц женского пола, указывающие на непосредственную принадлежность последних к первым. Т.е. в этом случае речь идет не о параллельном образовании наименований лиц мужского и женского пола от общей производящей основы, а о наименованиях лиц женского пола, образованных от наименований лиц мужского пола, которые в современной терминологии принято называть «феминитивами».<sup>11</sup> Кроме специализированных суффиксов, таких как *-ыни* (*-ыня/-иня*, см. выше), ср.: русск. *князь* → *княг-иня* ,жена князя', *раб* → *рабыня* ,жена или дочь раба' (ср. *раб* : *раба*, см. сноску 8) и др., в этой функции могли использоваться и другие суффиксы, употребляемые для образования наименований лиц женского пола, ср.:

<sup>11</sup> Логически продолжив аргументацию феминистской лингвистики, можно утверждать, что в подобных наименованиях «видимость» женщин в языке обеспечивается через «видимость» в нем мужчин и в «зависимости» от них.

*царь* → *цар-ица* ,жена царя' (ср. выше *пев-ець* : *пев-ица*) и др.<sup>12</sup> (о наименованиях лиц женского пола в истории русского языка см. Азарх, 1984; Демичева, 1995; Коновалова, 1997; Еременко, 1998; Беркутова, 2018; Пиперски, 2020 и др.).

**3.3** *Nomina agentis* могли образовываться от всех глагольных основ, а также от основ существительных и прилагательных (см. примеры выше) и обладали высокой продуктивностью. Поскольку они обозначали (и обозначают) лиц мужского и женского пола «по характерному действию, занятию предметом или признаку» на их основе развилась лексико-семантическая группа наименований профессий. Следы и различные фазы этого процесса можно наблюдать в современном русском языке: если при утратившихся *ведец* и *ведун*, сохранившееся обозначение *ведьма* (см. выше) еще вряд ли можно считать наименованием профессии, то наименования *певец* и *певица*, *швец* и *швея* (см. выше) уже безусловно таковыми являются, к ним, вне всякого сомнения, относятся также наименования *судья* и *врач* (см. выше). Наименования профессий, составившие новую лексико-семантическую группу, обладали более высокой степенью абстракции, чем обозначения конкретных деятелей мужского и женского пола, и отражают в языке более высокую ступень общественного развития.

То, что в современном русском языке наименования профессий выражаются в большинстве своем существительными мужского рода, отнюдь не означает, что они являются наименованиями лиц мужского пола. Как и наименования ученых степеней, званий, общественных и политических функций и проч., выраженные существительными мужского рода, они способны в равной степени указывать на лиц как мужского, так и женского пола, а также на людей различных гендеров, которые эти профессии и функции исполняют и носят звания и ученые степени<sup>13</sup>. С лингвистической точки зрения данный факт отнюдь не является экстраординарным. Общие абстрактные понятия, в том числе такие, как *профессия*, *функция*, *звание*, могут выражаться также существительными женского или среднего рода. Подобным же образом, как обобщающие понятия, включающие лиц различных полов и гендеров, могут быть обозначены существительными женского, среднего или мужского рода, ср.:

- [7] И.И. Иванова (ж.п.) – важная *персона* (ж.р.), И.И. Иванов (м.п.) – важная *персона* (ж.р.); И.И. Иванова (ж.п.) – выдающаяся *личность* (ж.р.), И.И. Иванов (м.п.) – выдающаяся *личность* (ж.р.); И.И. Иванов (м.п.) – влиятельное *лицо* (с.р.), И.И. Иванова (ж.п.) – влиятельное *лицо* (с.р.); И.И. Иванова (ж.п.) – крупный *талант* (м.р.) (ср. также [10]), И.И. Иванов (м.п.) – крупный *талант* (м.р.); И.И. Иванова (ж.п.) – замечательный *человек* (м.р.), И.И. Иванов (м.п.) – замечательный *человек* (м.р.)<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Современный русский язык располагает 11-ю суффиксами для образования феминитивов, т.е. существительных с модификационным словообразовательным значением «женскости» (Русская грамматика, 1980: I, 200-204).

<sup>13</sup> Эта языковая данность не находится в прямой зависимости от общественного развития, где в конкретные периоды определенные профессии, функции и проч. выполнялись преимущественно мужчинами. Изменение такого положения дел в обществе способствовало расширению социальной сферы применения данных наименований, но не могло повлиять на изменение их грамматического рода.

<sup>14</sup> Не думается, что в таких случаях для установления «гендерного равенства» в языке могло бы возникнуть требование создать наименования типа *\*персон-ец* и *\*личност-ник* для

Как было показано в разделе 2.1, небинарная грамматическая категория рода не связана эксклюзивно с бинарной биологической категорией пола и псевдобинарной социальной категорией гендера.

При информативной необходимости уточнить пол лица, исполняющего профессию (функцию и др.), уже в исторический период развития от таких общих наименований профессий (функций и др.) в русском языке могли образовываться вторичные наименования лиц как женского, так и мужского пола, ср.:

- [8] (ц.-сл./др.-русс. *власти* ,владеть, управлять' →) ц.-сл./ (др.-)русс. *влас-тель/волос-тель* ,(у)правитель, *grinsep's* [наименование **профессии, функции**] → ц.-сл./ (др.-)русс. *властел-инъ, властел-янинъ*, (Срезневский, 1989: I, 270-271, 292), *властель-никъ* (Mengel, 1997: 305) [**лицо мужского пола**, исполняющее данную профессию, функцию], русск. *волостель-ша* (Даль, 1956: I, 213) [**лицо женского пола**, исполняющее данную профессию, функцию].

Наименования типа *властель* → *властелинъ, властелянинъ, властельникъ* наряду с глаголом *власти*, фиксируются в истории русского языка начиная с XI века и могут встречаться в пределах одного памятника, ср.:

- [9] Мы *властеле* юсмь помыслоу възгаражштоуса (л. 60); *Иавъ* есть яко *властелинъ* есть страстьмь помысль (л. 61); Не бо юсть власти рече развѣ отъ Ба. что ꙗеши то всакъ ли *властеланинъ* о(тъ) Ба поставляеться (л. 97) в «Изборнике Святослава 1073 года» (цит. по: Срезневский, 1989: I, 270-271).

Если в первом контексте существительное мужского рода *властель* обозначает общее наименование функции ,властителя помыслов, правителя' (ср. также в Остромировом евангелии 1056-1057 г.: *Азъ ѿкъ юсмь подъ властели оучиненъ*, л. 87, цит. по: Срезневский, 1989: I, 292), то во втором (*властел-инъ*) и особенно в третьем (*властел-анинъ*) контекстах явно просматривается значение конкретного лица мужского пола, выполняющего эту функцию, для обозначения которого к наименованию *властель* с общим значением функции (профессии) были «добавлены» суффиксы *-инъ* и *-анинъ*, характерные для наименований лиц мужского пола (см. выше).

Обозначение лица женского пола *волостель-ша*<sup>15</sup> отмечается в говорах русского языка с конкретным значением ,госпожа', ср.: *волостель и волостельша, господин и госпожа* (Даль, 1956: I, 213).

Список примеров можно было бы продолжить, ср.: (ц.-сл./др.-русс. *писати* →) ц.-сл./ (др.-)русс. *писа-тель* (т.е. не тот, кто просто умеет писать, а обозначение профессии, ср. синоним *пи-сець*) → ц.-сл. *писатель-никъ* (лицо мужского пола, выполняющее эту профессию, XI-XIV вв., см. Mengel, 1997: 318), русск. *писатель-ница* (лицо женского пола, выполняющее эту профессию) и др.

---

обеспечения «видимости» мужчин или типа (*лицо* →) \**лиц-ец* и \**лиц-к-а* для обеспечения «видимости» и тех и других. Не наблюдается, насколько нам известно, и феминитивов типа \**талант-к-а* или \**человек-иня*.

<sup>15</sup> Н.М. Шанский (1959) считает, что суффикс *-ш(а)* был впервые заимствован в русский язык в начале XVIII в. из нижненемецкого вместе с обозначением жён некоторых лиц мужского пола, с чем, как кажется, не совсем можно согласиться.

В ходе исторического развития в подобного рода наименованиях конкретных лиц женского пола, выполняющих определенную профессию, функцию и проч. вторичный суффикс продолжал сохраняться и далее употребляться, поддерживаемый образованиями, в которых «женский» суффикс указывал на значение принадлежности (см. выше). В конкретных же наименованиях лиц мужского пола, образованных от названий профессий, функций и проч., – где как производящее, так и производное были выражены существительными мужского рода – вторичный суффикс, напротив, стал ощущаться как избыточный. С утратой, например, производящей основы, обозначавшей профессию, функцию и проч., они могли семантически переосмысляться как ее замена, ср. русск. *властелин* ‚princers‘ при утрате в литературном языке первоначального *властель*, или приобретать иные конкретные значения, ср.: русск. *властельникъ* ‚представитель одной из ересей в христианстве‘, или же полностью утрачиваться под действием лингвистического закона экономии языковых средств, ср.: *властелянинъ*<sup>16</sup>.

Необходимость и сама бинарная модель параллельного образования наименований конкретных лиц мужского и женского пола, выполняющих ту или иную профессию, функцию и проч., от наименований данных профессий, функций и проч. утрачены, однако, как представляется, не были.

Под действием закона открытого слога, вступившего в силу в праславянском языке и требовавшего перестройки слоговой структуры по принципу восходящей звучности, в том числе упрощения групп согласных, и особенно после падения редуцированных гласных *ъ* и *ь* (сохранявшихся в истории русского языка до XII–XIV веков) в языковых системах славянских языков, и в частности русского, возникли и получили развитие нулевые морфемы – материально не выраженные носители языковых значений. Помимо широко употребляемых нулевых окончаний, ср.: *стол-∅* (им.п. ед.ч. – нулевое окончание), *стол-а* (род.п. ед.ч. – окончание *-а*); *стран-ы* (им.п. мн.ч. – окончание *-и*), *стран-∅* (род.п. мн.ч. – нулевое окончание) и др. (см. выше), к ним относятся и нулевые морфемы других уровней, например, суффиксы, ср.: *петь* (инфинитив) → *пе-л-∅* (прошедшее время ед.ч. муж.р. – суффикс *-л-*, нулевое окончание; \**pe/-l-ъ* > *pel*), *нести* (инфинитив) → *нѣс-∅-∅* (прошедшее время ед.ч. муж.р. – нулевой суффикс, нулевое окончание; \**ne/s-l-ъ* > *nesl* > *nes* – \**sl*>*l* в конце слога), *печь* (инфинитив) → *пѣк-∅-∅* (прошедшее время ед.ч. муж.р. – нулевой суффикс, нулевое окончание; \**pe/k-l-ъ* > *pekl* > *pek* – \**kl*>*k* в конце слога) и др.

Таким образом, материально не выраженные (нулевые) морфемы стали и являются неотъемлемой характеристикой языковой системы русского языка в целом (как и других славянских) и полноправными «законными» носителями языковых значений на различных языковых уровнях. С этой точки зрения, по нашему убеждению, в современном русском языке следует рассматривать конкретные наименования лиц мужского пола, выполняющих определенные профессии, функции и проч., как образованные от наименований данных профессий, функций и проч. с помощью нулевого суффикса, несущего семантическую нагрузку «лицо мужского пола»

<sup>16</sup> Возможным было также переосмысление названия профессии, функции и др. как обозначение конкретного деятеля мужского пола, если слово устаревало или покидало активный словарный состав литературного языка, ср. выше в русских говорах, где *волостель* соотносится с *волостельша* как конкретное лицо мужского пола с конкретным лицом женского пола наряду с *господин* : *госпожа* (оба образованы от *господь*, которое также больше не ощущается как обобщенное наименование).

параллельно значению «лицо женского пола» у материально выраженных суффиксов в соответствующих наименованиях лиц женского пола, ср.: (*писать* →) *писа-тель* (наименование профессии, суффикс *-тель*) → *писатель-ø* (наименование лица мужского пола, выполняющего эту профессию, нулевой суффикс), *писатель-ниц-а* (наименование лица женского пола, выполняющего эту профессию, суффикс *-ниц-а*).

Поскольку наименования профессий, функций, ученых степеней, званий и проч., выраженные существительными мужского рода, в равной степени указывают как на мужчин и женщин, так и на людей всех гендеров (см. выше), употребление этих наименований в единственном и множественном числе в генерализирующей функции при необходимости передать общую информацию о людях, исполняющих эти профессии, функции и проч. представляется не только логичным с точки зрения языковых законов, но и естественным в плане отражения в языке биологических и социальных категорий. Только при необходимости уточнить информацию о биологической принадлежности отдельных людей, исполняющих эти профессии, социальные и политические функции и проч., следует прибегнуть к образованию наименований конкретных лиц мужского и/или женского пола.

Думается, что именно под этим углом зрения возможна единственно правильная интерпретация известного высказывания Анны Ахматовой о том, что она *поэт*, а не *поэтесса*, по поводу которого до сих пор ведутся дискуссии, в том числе и в феминистских кругах (см. [1(д)]). Не имея ни малейших причин подозревать А. А. Ахматову в отрицательном отношении к прогрессивному движению эмансипации женщин, можно с уверенностью утверждать, что называя себя *поэтом*, она желала этим подчеркнуть свое призвание, профессию, а не факт, что она женщина, (профессионально) пишущая стихи<sup>17</sup>; ср. противоположную самооценку Ирины Одоевцевой, современницы Ахматовой:

[10] <...>      Ни Гумилев, ни злая пресса  
                     Не назовут меня талантом.  
                     Я – маленькая *поэтесса*  
                     С огромным бантом.  
                     («Нет, я не буду знаменита», 1918 г.)

#### 4 Новообразования последних лет в диахронном контексте. Лингвистические выводы

4.1 Для русского языка в его истории и современности изначально характерна бинарная модель параллельного образования наименований для обозначения лиц как мужского, так и женского пола от одной и той же производящей основы всех основных частей речи (существительного, прилагательного и глагола) с разнообразной семантикой, в том числе и обозначений профессий, различных функций, ученых степеней, званий и проч. Для этого могут использоваться как материально выраженные словообразовательные морфемы с мутационным словообразовательным значением лица – при образовании наименований лиц мужского и женского

<sup>17</sup> Как минимум спорным в этом плане представляется название новой книги Л. Улицкой, посвященной биографии и творчеству Н. Горбаневской: «*Поэтка*. Книга о памяти. Наталья Горбаневская», Москва 2014. Ср. также дискуссию относительно наименований *поэт*, *поэтесса*, *поэтка* для лиц женского пола на: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life-opinion/224506-poetessa-vs-poet>.



пола –, так и нулевые суффиксы с тем же значением – при образовании наименований лиц мужского пола в современном русском языке, ср.: *петь* (наименование профессионально производимого действия) → *пев-ец* (наименование лица мужского пола, производящего данное действие), *пев-иц-а* (наименование лица женского пола, производящего данное действие); *писатель* (наименование профессии) → *писатель-ø* (наименование лица мужского пола, выполняющего эту профессию), *писатель-ниц-а* (наименование лица женского пола, выполняющего эту профессию).

С модификационным словообразовательным значением «женскости» от наименований лиц мужского пола образуются наименования лиц женского пола, несущие в своем значении сему непосредственной «принадлежности» последних к первым, ср.: *царь* → *цар-иц-а* 'жена царя', которые в современной терминологии принято называть феминитивами.

**4.2** Лексико-грамматическая классифицирующая категория рода имен существительных не предназначена эксклюзивно для выражения в языке биологической категории пола и социальной категории гендера. Обобщающие понятия, указывающие на людей обоих полов и всех гендеров, могут выражаться в языке существительными как мужского (ср.: *человек*), так и женского (ср.: *персона*), а также среднего (ср.: *лицо*) рода. К ним относятся и обобщающие наименования профессий, различных функций, ученых степеней, званий и проч., выраженные в русском языке преимущественно (но не исключительно) существительными мужского рода, которые не следует отождествлять с наименованиями лиц мужского пола, исполняющими эти профессии, функции и проч.

Поскольку наименования профессий, функций, званий и проч. указывают на людей обоих полов и всех гендеров последовательное употребление двойных «гендерно нейтральных» наименований (т.е. параллельное употребление как форм существительных мужского рода, так и форм образованных от них феминитивов, а также согласующихся с теми и другими по роду форм других частей речи) представляется излишним, как и принципиальный отказ от генерализирующей функции обобщающих наименований, выраженных существительными мужского рода. Такая языковая практика противоречит лингвистическому закону экономии языковых средств (ср.: [2]) и нередко приводит к нарушению коммуникативной функции языка (ср. [3(б)]). Только при необходимости уточнить информацию о биологической принадлежности отдельных людей, исполняющих эти профессии, социальные и политические функции и проч., следует, на наш взгляд, прибегнуть к образованию наименований конкретных лиц мужского и/или женского пола, ср.:

- [11] *В городе проходит ярмарка литературы и искусства, объединившая писателей и художников* (сущ. м.р. мн.ч., выражающие наименования людей обоих полов и всех гендеров, исполняющих названные профессии). *Произведения Инны Ивановой и Павла Петрова обращают на себя особое внимание посетителей* (сущ. м.р. мн.ч., выражающее наименование людей обоих полов и всех гендеров, выступающих в определенной социальной функции): *книги молодой писательницы* (сущ. ж.р. ед.ч., выражающее наименование лица ж.п., исполняющего профессию) *и картины известного художника* (сущ. м.р. ед.ч., выражающее наименование лица м.п., исполняющего профессию) *пользуются большим успехом. Юных посетительниц* (сущ. ж.р. мн.ч., выражающее наименование лиц ж.п., выступающих в названной социальной функции) *особенно привлекает выставка кукол. Одно отважное дитя* (сущ. с.р. ед.ч., обозначающее лицо ж.п.) *даже попыталось достать наиболее*

пригласившийся **ему** экземпляр из витрины. К счастью, **девочку** (сущ. ж.р. ед.ч., обозначающее лицо ж.п. лексическими средствами) *вовремя остановили* – **каждый посетитель** (сущ. м.р. ед.ч., выражающее наименование людей обоих полов и всех гендеров, выступающих в названной социальной функции) *независимо от возраста обязан соблюдать правила общественного поведения*.

**4.3** Высоко продуктивный суффикс *-к-*, наиболее частотно употребляемый в новообразованиях последних лет, обозначающих лиц женского пола, восходит к праиндоевропейскому языку-основе и практически сохраняет свою праиндоевропейскую семантическую индифферентность по сей день. При своей (кажущейся) стилистической нейтральности в плане образования новых наименований лиц женского пола он может использоваться далеко не только для образования наименований с модификационным словообразовательным значением «женскости» или мутационным словообразовательным значением «лицо женского пола, исполняющее определенную профессию и проч.» (ср.: *поэт* → *поэт-к-а*), но также с модификационным значением «уменьшительности» (ср.: *конфета* → *конфет-к-а*), мутационным (ср.: *пилот* → *пилот-к-а*) или модификационным (ср.: *табурет* → *табурет-к-а*) значением «предметности» и др.

Для образования наименований лиц женского пола современный русский язык располагает еще 10-ю суффиксами (Русская грамматика, 1980: I, 200-204), которые, в отличие от суффикса *-к-*, в большинстве своем однозначны. Так для обозначения лица женского пола, исполняющего профессию блогера, наряду с (*блогер* →) *блогер-к-а*, вполне возможны и несомненно приемлемы такие образования, как например: *блогер-ица* (ср.: *мастер* → *мастерица*), *блогер-иха* (ср.: *ткач* → *ткачиха*), *блогер-ыня*, *блогер-есса*, а также *блогер-ша*. Соответствующие образования с суффиксом *-ша*, такие как: *редакторша, организаторша, библиотекарьша, бригадирша, музыкантша, инженерша, лекторша, курьерша, секретарша, кассирша, экскурсоводша, барменша, директорша, профессорша, докторша* и др. (примеры из: Русская грамматика, 1980: I, 202-203) уже более 100 лет существуют в русском языке. Высоко продуктивный в разговорном языке суффикс *-ша* вполне может быть освоен литературной нормой (ср. ставшие уже стилистически нейтральными: *кассирша, секретарша*). Ведь и образования типа *шефиня, филологиня, врагиня*, претендующие сегодня на стилистически нейтральное употребление, еще в нормативной академической «Русской грамматике» (1980: I, 203) отмечены как разговорные и «преимущественно шуточные».

### Библиография

Błaszowska, H. (2016). *Weibliche Personenbezeichnungen im Deutschen und Polnischen aus der Sicht der feministischen Sprachkritik*. Dysertacje Wydziału Neofilologii UAM w Poznaniu, 5.

Diewald, G., & Nübling, D. (2020, 17. Dezember). Genus und Sexus: Es ist kompliziert. *Neue Züricher Zeitung*. <https://docplayer.org/201160324-Genus-und-sexus-es-ist-kompliziert.html>

Fischer, G. (2014). *Grenzen gendergerechter Sprache*. Wien. [https://slawistik.univie.ac.at/fileadmin/user\\_upload/i\\_slawistik/Forschung/Fachdidaktik/Forum/44\\_Grenzen\\_gendergerechter\\_Sprache.pdf](https://slawistik.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/i_slawistik/Forschung/Fachdidaktik/Forum/44_Grenzen_gendergerechter_Sprache.pdf)

- Hajnal, I. (2002). *Feministische Sprachkritik und historische Sprachwissenschaft. Die unterschiedlichen Sichtweisen der Kategorie Genus in Syn- und Diachronie*. Innsbruck. [https://sprawi.at/files/hajnal/a9\\_fem\\_hist\\_sprawi.pdf](https://sprawi.at/files/hajnal/a9_fem_hist_sprawi.pdf)
- Henley, N., & Thorne, B. (Eds.) (1975). *Language and Sex: Difference and Domination*. Newbury House.
- Kempgen, S. (1999). Personalität und die grammatischen Kategorien des Nomens: Genus, Numerus, Belebtheit. In H. Jachnow et al. (Eds.), *Personalität und Person* (S. 255-267). Harrassowitz.
- Lakoff, R. (1973). Language and Woman's Place. *Language in Society*, 2(1), 45-80.
- Małocha-Krupa, A. (2018). *Feminatywum w uwikłaniach językowo-kulturowych*. Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe.
- Mengel, S. (1997). *Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11. – 17. Jahrhunderts*. Peter Lang. (Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 2).
- Mengel, S. (2014). Besonderheiten der slavischen Wortbildung unter sprachhistorischen Aspekten. In S. Mengel (Ed.), *Slavische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte* (S. 104-128). LIT-Verlag. Berlin (Slavica Varia Halensia, Bd. 12).
- Mengel, S. (2015). 115. Historical word-formation in Slavic. In P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, & F. Rainer (Eds.), *Word-formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Vol. 3. (S. 2021-2041). Mouton de Gruyter.
- Mengel, S. (2019). Derivation als Spezifikum der Wortbildung im Slawischen. Versuch einer Erklärung aus sprachhistorischer Sicht. In A. Bierich, & Th. Bruns, (Eds.), *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović*. (S. 185-203). Peter Lang.
- Meillet, A. (1921, 1938). *Linguistique historique et linguistique générale*: Vol. I. É. Champion. 1921. Vol. II. 1938.
- Meillet, A. (1931). Essai de chronologie des langues indo-européennes. *Bulletin de la Société de linguistique Paris*, 32, 1-28.
- Miemietz, B. (1993). *Motivation zur Motion: Zur Bezeichnung von Frauen durch Feminina und Maskulina im Polnischen*. Peter Lang.
- Pohl, H.-D. (2016). Zum feministischen Sprachgebrauch („Gendern“) im Deutschen (insbesondere in Österreich). *Germanica Wratislaviensia*, 140, 285-304.
- Richi Key, M. (1975). *Male/Female Language*. Scarecrow Press.
- Schröder, B. (2019). *Das Genus-Gefälle. Zur grammatischen Kategorie Genus und ihren gesellschaftlichen Wechselwirkungen*. [https://www.researchgate.net/publication/332173612\\_Das\\_Genusgefalle\\_Zur\\_grammatischen\\_Kategorie\\_Genus\\_und\\_ihren\\_gesellschaftlichen\\_Wechselwirkungen](https://www.researchgate.net/publication/332173612_Das_Genusgefalle_Zur_grammatischen_Kategorie_Genus_und_ihren_gesellschaftlichen_Wechselwirkungen)
- Słownik (2001). Kowalova, G., & Mitrofanova, I. (2001). *Słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski. Польско-русский и русско-польский словарь*. Russkij jazyk.
- Vasmer, M. (1953). *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. Carl Winter.
- Waszakowa, K. (2021). Wybrane aspekty integralnego związku derywatu słowotworczego z aktem komunikacji (na przykładzie nazw żeńskich). In P. Kowalski (Ed.), *Słowotwórstwo w przestrzeni komunikacyjnej* (s. 343-369). Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa. (Prace Slawistyczne. Slavica, 15)
- Zifonun, G., & Drewnowska-Vargáné, E. (2019). Die sprachliche Sichtbarkeit der Geschlechter. Genus und Sexus im Deutschen und Polnischen. In E. Drewnowska-Vargáné et. al. (Eds.). „vnd der gieng treulich, weislich vnd mündlich mit den sachen vmb“: *Festschrift*

*für Péter Bassola zum 75. Geburtstag* (S. 138-170). Institut für Germanistik der Universität Szeged. (Acta Germanica, 15).

Азарх, Ю. С. (1979). Слова на -иха в русском языке. In Р. И. Аванесов (Отв. ред.), *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования* (с. 175-195). Наука.

Азарх, Ю. С. (1984). *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. Наука.

Беркутова, В. В. (2018). Феминативы в русском языке: исторический аспект. *Филологический аспект*, 43(11), 6-22.

Беркутова, В. В. (2019). Феминативы в русском языке: лингвистический аспект. <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskij-aspekt.html>

Григоренко, О. В. (2008). Неологизмы-феминативы в русском языке конца XX – начала XXI вв. In *ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Сборник научных трудов* (с. 33-41). Издательство ВГПУ.

Гурьянова, С. (2019). Феминитивы. Взгляд филолога. *Сноб (информационное пространство)*. <https://snob.ru/profile/32168/blog/158103/>

Даль, В. (1956). *Толковый словарь живого великорусского языка* (репринт 2-го изд.). Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Демичева, В. В. (1995). *Наименования лиц женского пола в русском языке XVIII века*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н., Воронежский государственный университет. Издательство ВГПУ.

Еременко, О. И. (1998). *Наименования лиц женского пола в русском литературном языке XIX века*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н., Воронежский государственный университет. Издательство ВГПУ.

Исаченко, А. В. (1954). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая*. Издательство Словацкой академии наук.

Кобяков, А. В. (2020). Русский феминитив: широкий взгляд. *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 33(8), 1-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-feminitiv-shirokiy-vzglyad/viewer>

Коновалова, Н. И. (1997). Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины. In *История русского языка: Словообразование и формообразование* (с. 72-79). Унипресс.

Кривошеина, В. А. (2019). Феминитивы в современных языковых практиках. In *Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран* (с. 146-153). Издательство МПГУ.

Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Языки славянской культуры*.

Новицка, Б. (2006). Феминативы с суффиксом -к(а) в новой русской лексике. *Studia Rossica Posnaniensia*, 33, 73-76.

Пиперски, А. 2020. *Как современные феминитивы меняют русский язык*. <https://zen.yandex.ru/media/nplus1/kak-sovremennye-feminitivy-meniayut-russkii-iazyk-5e33fde6c2eb47311aa10156>

Пристайко, Т. С. (2017). Феминитивы в аспекте неологии (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке). *Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство*, т. 25, вип. 23(1), 144-155.

- Пожарицкая, С. К. (1997). *Русская диалектология*. Издательство МГУ.
- Русская грамматика (1980): *Русская грамматика*. Академия наук СССР. Наука.
- Самойленко, Н. С., & Стеклёнова, А. А. (2019). Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 2(33), 126-132.
- Срезневский, И. И. (1989). *Словарь древнерусского языка*. (2-е изд. репринт). Книга.
- Стамбульская конвенция (2014): *Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Открыта для подписания 11.05.2011, ратифицирована 01.08.2014*. <https://www.coe.int/ru/web/conventions/fulllist?module=treaty.detail&treatynum=210>
- Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. (2-е изд. стереотипное). Прогресс.
- Шанский, Н. М. (1959). Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса -ша. *Русский язык в национальной школе*, 4(3), 65-67.

### **Bibliography (Transliteration)**

- Azarkh, Yu. S. (1979). Slova na -ikha v russkom yazyke. In R. I. Avanesov (Otv. red.), *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya* (s. 175-195). Nauka.
- Azarkh, Yu. S. (1984). *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka*. Nauka.
- Berkutova, V. V. (2018). Feminativy v russkom yazyke: istoricheskiy aspekt. *Filologicheskiy aspekt*, 43(11), 6-22.
- Berkutova, V. V. (2019). *Feminativy v russkom yazyke: lingvisticheskiy aspekt*. <https://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskiy-aspekt.html>
- Dal', V. (1956). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (reprint 2-go izd.). Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.
- Demicheva, V. V. (1995). Naimenovaniya lits zhenskogo pola v russkom yazyke XVIII veka. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. filol. n., Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. Izdatel'stvo VGPU.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Per. s nem. i dopolneniya O.N. Trubacheva. (2-e izd. stereotipnoye). Progress.
- Grigorenko, O. V. (2008). Neologizmy-feminativy v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI vv. In *ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Sbornik nauchnykh trudov* (s. 33-41). Izdatel'stvo VGPU.
- Gur'yanova, S. (2019). *Feminativy. Vzglyad filologa. Snob (informatsionnoye prostranstvo)*. <https://snob.ru/profile/32168/blog/158103/>
- Isachenko, A. V. (1954). *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Chast' pervaya*. Izdatel'stvo Slovatskoy akademii nauk.
- Kobyakov, A. V. (2020). Russkiy feminativ: shirokiy vzglyad. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 33(8), 1-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-feminativ-shirokiy-vzglyad/viewer>
- Konovalova, N. I. (1997). Imena sushchestvitel'nye v russkom yazyke, oboznachayushchie professiyu zhenshchiny. In *Istoriya russkogo yazyka: Slovoobrazovanie i formoobrazovanie* (с. 72-79). Unipress.